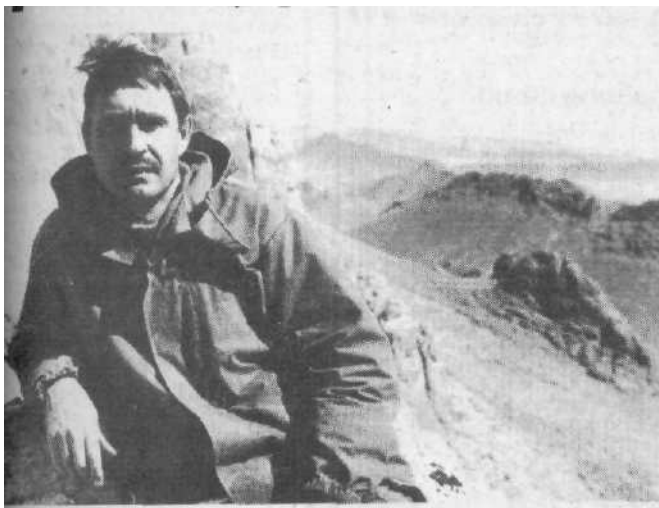

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Подполковник запаса Валерий Марченко воевал в Афганистане в общей сложности четыре года. Две его служебные командировки за Саланг совпали с началом и завершением этой войны. В декабре 1979-го разведгруппа под командованием молодого, еще необстрелянного гвардии лейтенанта Валерия Марченко первой высадилась на аэродроме Баграм с задачей захватить его и обеспечить дальнейшую высадку частей и подразделений 103-й воздушно-десантной дивизии. Через девять лет, в конце января 1989 года, при выводе советских войск из Афганистана многоопытному комбату-орденоносцу гвардии майору Валерию Марченко была поставлена задача силами его батальона обеспечить вывод в Союз дивизиона оперативно-тактических ракет «Скад». О том, чем памятли для него те события, рассказывает сам их участник.

– По штатному расписанию военного времени отдельная разведывательная рота (орр) 103-й воздушно-десантной дивизии состояла из трех разведывательных групп, группы радиоразведки и группы связи. Я командовал третьей разведгруппой. Когда в декабре 1979-го нас подняли по тревоге и перебросили авиацией в Болбасово, под Оршу, а оттуда через четыре дня в Балхаш Казахской ССР, разведрота входила в резерв командира дивизии генерал-майора И. Рябченко. Мы хотя и были элитной частью соединения, но находились в полном неведении: с какой целью переброшены из Белоруссии к южным границам Советского Союза, зачем нам выдали боеприпасы и для чего чуть ли не ежедневно поднимают по тревоге, сажают в самолеты, а затем дают отбой. Офицерам-разведчикам выдали и приказали досконально изучить отвлеченные, абстрактные схемы аэродрома с указанием основных и запасных посадочных полос, ангаров, системы охраны и обороны, служебных и технических зданий, но где находится этот аэродром, никто не знал.

И вот к исходу одиннадцатых суток нашего пребывания в Балхаше, помню, как только мы поужинали и возвратились в казармы летной части, где роту временно разместили, опять прозвучал сигнал тревоги и поступил приказ грузиться в Ил-76-ые. Перед вылетом моей разведгруппе, которая готовилась действовать автономно, была поставлена задача:

десантироваться посадочным способом и обеспечить высадку передового отряда на аэродром Баграм. Другим двум разведывательным группам нашей роты предстояло захватить аэродром Кабул. Приблизительно через полтора часа после взлета в Казахстане мой «борт» приземлился в Баграме. Задача захвата аэродрома не была для нас в новинку, аналогичные стандартные учебные задачи неоднократно отрабатывали разведчики и в мирное время, поэтому действовали мы как по писаному – не запуская, выкатили три БМД, завели их и заняли указанные позиции. Вокруг стояла необычная тишина, поодаль спокойно ходили какие-то люди в форме, запомнилось, что было непривычно тепло. Я на своей машине, зная, что через несколько минут будут садиться еще три самолета, проскочил из конца в конец всю взлетку и вернулся обратно со спокойной душой: полоса в порядке и никто не пытается ее заблокировать техникой или еще как-то. Как только дал команду заглушить двигатель БМД, в небе появился первый Ил, потом второй, третий. С интервалом в считанные минуты они приземлились, и десантники передового отряда, роль которого была отведена второму батальону 350-го парашютно-десантного полка, высадились на аэродром. Командовал батальоном гвардии капитан Вадим Войцеховский, который, к сожалению, погиб позже, кстати материалы о нем есть в нашем городском музее воинов-интернационалистов.

На следующее утро, как только рассвело, Баграмский аэродром начал принимать все новые самолеты с подразделениями нашей дивизии. А мне по радиостанции сообщили, что из Кабула вылетели три Ан-12, в которые я должен загрузить своих людей и технику (эти самолеты могли перевозить только по одной БМД) и прибыть в афганскую столицу для выполнения следующей задачи.

Таким образом, первые дни нашего пребывания в Афганистане были относительно мирными, не предвещавшими кровопролития, по крайней мере так казалось после бесшумного взятия Баграма. И действительно, до 1 мая 1980 года наши войска не принимали участия в боевых действиях за исключением единичных случаев. Случай такой вскоре произошел. Тогда я, наверное, впервые прочувствовал настоящий смысл слова «война».

Один из полков афганской армии под командованием полковника Исмайтулло не подчинился правительству и ушел за границу, в Пакистан. Исмайтулло, кстати, окончивший военный колледж в Афганистане, затем во Франции, и, кроме того, наше Рязанское воздушно-десантное командное училище и Военную академию имени М.В.Фрунзе, возвратился со своим мятежным полком в феврале, вторгшись на десять – пятнадцать километров на территорию Афганистана в провинции Кунар. Туда, в район ущелья Шигал, был брошен третий батальон 317-го полка под командованием гвардии капитана Василия Кустрьо, который, кстати, в 1989-м при выводе дивизии, был уже в должности заместителя командира соединения. 26 февраля 1980-го, за полтора часа боя, батальон потерял там до 30 процентов личного состава только убитыми... В то время моя разведгруппа выполняла задачи по охране резиденции и сопровождению командующего ограниченным контингентом советских войск Маршала Советского Союза Сергея Соколова. И поскольку он являлся командующим группировкой, а случай с батальоном Василия Кустрьо был беспрецедентным, он принял решение вылететь на место, а с ним, конечно, моя группа в качестве охраны и еще два офицера из Девятого управления КГБ. Ан-26 маршала приземлился в Джелалабаде. На противоположную сторону летного поля, метрах в трехстах от нас, подъехали запыленные БТРы, какие-то афганские «бурбахайки». Соколов в кольце нашей охраны приблизился к ним. Вышедшие из машины люди, казалось, мало чем походили на

военнослужащих. Оборванные, грязные, все в крови. Мне эта картина напомнила военные кинофильмы – плохо перевязанных, окровавленных раненых поддерживали товарищи. Из машины начали выгружать какие-то плащ-палатки. У меня сначала даже не возникло никаких предположений или ассоциаций, пока не увидел торчащие из палаток синие ноги. Дошло: убитые. Всех их положили в ряд – было 23 или 24 трупа, шестеро буквально разрублены на куски. Маршал замер и несколько минут остекленевшим взглядом смотрел на истерзанные тела. Не берусь судить, о чем он размышлял в тот момент, но, думаю, ни маршал Соколов, ни мы, простые смертные, не были психологически подготовлены к случившемуся. Эмоциональное состояние ребят, получивших первый горький боевой опыт, можно было охарактеризовать как шок, полную протрацию. Я подошел к одному из них и стал расспрашивать: что там, как там? Все, что он смог мне ответить: «Стреляли отовсюду, со всех сторон...» Это была первая и, к сожалению, не последняя кровь, виденная мной в Афганистане, первое потрясение на войне.

Интересно, что через семь лет, во время своей второй командировки в Афганистане, мне выпало командовать этим самым третьим батальоном 317-го парашютно-десантного полка. А тогда, в феврале 1980-го, вдруг появлялось трезвое понимание того, что мы здесь не играем в войну, появлялась и жажда справедливого возмездия.

До сих пор загадкой для меня, как, впрочем, и для моих боевых друзей, остается притягательность Афганистана. Несмотря на кровь и лишения, люди, прошедшие военными тропами, снова по собственному желанию возвращались туда через годы. Через шесть лет написал рапорт и я...

В мае 1980-го, когда начались активные боевые действия – операции, засады, «зачистки», меня и многих моих подчиненных представили к наградам. Пятеро из представленных десантников-разведчиков, среди которых был и гвардии младший сержант Андрей Ивонин, написали рапорты о желании поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. А через четыре года все как один, они вернулись в Афганистан уже лейтенантами. Андрея Ивонина я встретил на заключительном этапе афганской войны, к тому времени он был в Афганистане уже третий раз...

И все же вывод стал, наверное, самым радостным событием за все девять лет боевых действий за Гиндукушем. К тому времени мой батальон покинул небольшой гарнизон в Шахжое и превратился в девять застав на южной стороне Кабула, километрах в тридцати от города.

За три-четыре дня до вывода нашей группировки войск, мы передали заставы по актам афганцам и батальонной колонной прибыли к месту дислокации 317-го полка. Аббревиатуру ВДВ десантники в шутку расшифровывали так: возможно двести вариантов. Эта шутка была недалеко от истины, по крайней мере для моего батальона, задача которого на вывод несколько раз менялась. То мы должны были лететь, оставив в Кабуле технику, то следовать маршем через Саланг, а значит, боевые машины и вооружение должны быть полностью подготовлены и обслужены. Наконец, командир дивизии генерал-майор Е. Бочаров окончательно уточнил: третьему батальону следовать маршем с задачей охраны, обороны и обеспечения вывода дивизиона оперативно-тактических ракет «Скад». Каких-то особых инструкций по поводу того, как

действовать в случае нападения на ракетный дивизион, мне не поступало. Но во время строевого смотра, который проводил комдив, он подошел к батальону и после моего доклада сказал: «Марченко, вы понимаете, какая задача на вас возложена? Представляете, что будет, если хоть одна машина попадет к «духам?»» – Я говорю: «Не представляю». – «Вот и я не представляю, – отвечает он. – Поэтому приказываю предусмотреть все возможные варианты действий, и если в крайнем случае сложится безвыходная ситуация – уничтожить технику».

Схема батальонной колонны была такова: за каждой из девяти установок «Скад» следовали две-три мои машины. Выходили мы в составе группировки, которую возглавлял тогда командир 317-го полка гвардии полковник Александр Скачков. Из-за страшнейшего снегопада шестидесятикилометровый участок подъема на Саланг преодолевали двое суток. Однако этот же снегопад был в какой-то мере и нашим союзником. Моджахеды не могли выйти в горы из-за полутора-двухметрового снежного покрова и многочисленных снежных лавин. Накануне вдоль дороги на Саланг был нанесен бомбово-штурмовой удар, на мой взгляд, бесполезный и даже вредный, сыгравший на руку мятежникам. Через несколько дней, когда выходила колонна 345-го парашютно-десантного полка и снегопад прекратился, они показали напоследок свои клыки. В бою на Саланге был убит начальник штаба. Мы же, в принципе, преодолели перевал без приключений. Только однажды, спустя несколько бессонных суток на броне, я вдруг увидел парящих под собой птиц. Сначала подумал: галлюцинации. Оказалось, усталый водитель БТРа задремал и чуть не съехал в пропасть. К счастью, в этот момент я помог ему выровнять машину. От сердца отлегло, когда выбрались на равнину.

В шестидесяти километрах от моста Дружбы в одном из населенных пунктов нашу броню облепили десятки иностранных журналистов и телеоператоров. Примечательно, что нас накануне не инструктировали, как отвечать на их вопросы, волна горбачевской гласности докатилась и до закрытой когда-то темы афганской войны. Единственной рекомендацией политотдела, который возглавлял тогда следовавший в нашей колонне гвардии полковник Н. Кичигин, была просьба в случае провокационных вопросов ни в коей мере не ронять чести и достоинства советского солдата, офицера.

Достигнув советско-афганской границы, мы сдали оружие, привели, насколько это было возможно, себя в порядок и утром 1 февраля пересекли мост Дружбы. Термез встретил нас цветами и слезами радости.

Подготовил майор Александр ЛОГИНОВ

НА СНИМКЕ: комбат Валерий Марченко, 1988 год, Афганистан. Фото из личного архива